

**МАРФА БОРЕЦКАЯ: СИМВОЛ
«ТЕМНОЙ МАТЕРИ» В ИМПЕРСКОЙ,
ПАТРИАРХАЛЬНОЙ МОДЕЛИ
МИФОЛОГИЗАЦИИ ИСТОРИИ РОССИИ**

Некита А.Г., Маленко С.А.

*Новгородский государственный университет имени
Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород,
e-mail: beresten@mail.ru*

Формирование единого Русского государства на протяжении многих веков представляло значительную политическую и экономическую проблему. Во многом, историческая безуспешность попыток собирания земель вокруг единого центра связывалась с видением этого объединения как «конфедеративного» союза, участники которого сотрудничают лишь в критических для своего существования моментах, например, в случае внешней военной угрозы. Территориальная и политическая раздробленность русских княжеств и земель требовала нового объединительного принципа, который находился бы гораздо выше экономических и корпоративных интересов. Первая попытка обнаружения такого универсального идеологического начала была предпринята Владимиром I, Крестителем Руси. Однако принятие православия, как внешне привнесенной идеологической доктрины, не позволило до конца реализовать назревшую объединительную тенденцию. Как показывает история, только Московское княжество смогло выработать достаточно агрессивный и однозначно эффективный политико-идеологический инструмент, превративший раздробленную Русь в великую Россию. Стратегии переписывания, «зачистки» или полного уничтожения исторических документов позволили Московскому государству обосновать доктрину своего господства как естественный результат объединительных тенденций в русских землях.

Наиболее эффективным средством обоснования своего господства Москва избрала, заимствованный у христианства, принцип властной персонификации результатов исторического развития в целом, и отдельных событий в частности. Следуя этим установкам, московские идеологи производили текущие трансферы исторических событий на избранные легендарные образы, которые совокупно представляли мифологический пантеон новой власти.

Понимание необходимости подобных идеологических манипуляций связывалось с широкомасштабной практикой канонизации выдающихся религиозных и политических деятелей, предпринятой Иваном Грозным. Вне канонических рамок находилась масса и других исторических личностей, одиозный и скандальный характер которых, во многом формировался целенаправленно и искусственно. Победа Москвы над Новгородской республикой также должна была быть персонифицирована целым рядом

знаковых фигур, убедительно демонстрирующих архаичность и неполноценность новгородской модели собирания русских земель.

Образ Марфы-«Посадницы» – один из таких мифологических конструктов, которым с удовольствием на протяжении многих веков пользовались придворные идеологи для создания позитивного имиджа авторитарной модели управления, реализуемой московскими царями и духовенством. Поэтому, на фоне величия и сакральной святости московской власти, иные фигуры, деятельность которых шла вразрез с избранной идеологической доктриной, изображались либо юродивыми, либо предателями, либо корыстолюбивыми отступниками и опасными еретиками. Марфа Борецкая как раз и относится к таким мифологическим персонажам в отечественной истории. Несмотря на то, что она была третьим по размерам богатства человеком в Новгороде во второй половине XV века, о ее делах и жизненном пути мало что достоверно известно. Мы даже не располагаем документами, в которых Марфе якобы приписывалась честь основания Соловецкого, Николо-Корельского и других монастырей на Новгородских землях. Однако и тот образ, который описывают Н.Карамзин [1], В.Соловьев [2], Д.Иловайский [3] и другие отечественные историки полон противоречий и несоответствий. Конечно, на фоне закабаленной, «теремной» женщины в Москве, Марфа Борецкая, ее богатства и политическая деятельность выглядят, по меньшей мере, фантастично. Она, по сути, персонифицирует «новгородскую аномалию», противопоставившую патриархальному московскому укладу эффективный матриархальный авторитет и способ организации социокультурной среды. В Новгороде Марфа Борецкая приобретает особенный статус, и, скорее всего, он не был исключительно привязан к ее феодальному типу хозяйственной деятельности и модели управления. Марфа – женщина, воплощающая силу, авторитет, энергичность, житейскую мудрость, дипломатическую изворотливость, настойчивость, упорство, смелость и решительность. Эти качества позволили ей стать крупнейшей землевладелицей Новгородской республики, символизирующей материнскую модель собирания и обустройства пространства и быта, которая, тем не менее, начала развиваться в деструктивном ключе. Эту тональность хорошо ухватил А.Пушкин, который в «Сказке о рыбаке и рыбке» [6] выводит образ злобной, алчной и ненасытной старухи, грезящей бескрайними просторами и неограниченной властью. Такая параллель Марфы Борецкой со старухой из пушкинской сказки наводит на мысль о символической близости этих образов и их исключительной архетипической ценности. К.Юнг [7], исследуя подобные феномены, указывал, что в культуре равную значимость имеют как позитивные, так и отрицательные образы,

поскольку только их диалектика позволяет выявить господствующие бессознательные коллективные установки, определяющие стратегии развития конкретной культуры, а также частные формы ее существования.

Фактическое вытеснение и забвение Борецкой как реальной исторической личности неминуемо возрождают ее в качестве значимого мифологического персонажа российской истории. Интересно, что ее деструктивный потенциал только с одной стороны был призван продемонстрировать сепаратистский характер поведения новгородской боярской и торговой элиты. В то же время, она и по сей день продолжает символизировать все преимущества и недостатки матриархальной модели управления Новгородской республики в канун ее завоевания Московским государством, становящимся на обломках Древней Руси. А, с другой стороны, показательная деструктивность образа Марфы Борецкой в официальной Московской, исторической мифологии, тем не менее, наводит на мысль о его функциональной ценности в качестве наглядной презентации символических смыслов архетипа «Матери». И хотя Марфа – это отрицательный персонаж отечественной политической мифологии, данный факт не умаляет его ментальной ценности. Можно предположить, что Марфа Борецкая – это символ «Темной Матери», которая (как, например, Иезавель, Ирадиада, Далила, а также Баба Яга, Злая Мачеха и т.д.) своими деспотическими методами, как крайней формой отправления родительских функций, мотивирует «дитя» соответствовать общекультурным и коллективным нормам и традициям, ради сохранения семьи, а, значит, и Рода. В данном случае, деструктивность Марфы – это всего лишь символическая адекватность тем политическим тенденциям, которые бушевали в стране вокруг патриархальной, имперской, по своей сути и методам, Московской соборности. На фоне новгородской «Темной Матери» мифологический конструкт Московского «Отца» выглядит весьма

респектабельным и указывает на его исключительно позитивный и консолидирующий характер, что находит отражение в стратегиях объединительных процессов. Новгородская «Темная Мать» оказалась не в состоянии заботиться о своих «детях», что заставило ее искать кровительства у нового «Отца». В то же время, Московский «Отец», в отличие от его западноевропейских моделей, демонстрирует равную, а может и гораздо большую авторитарность, нежели обнаруженная нами у «Темной Матери» – Марфы Борецкой. Таким образом, в плане исторических перспектив, у «Темной Матери» продуктивный, символический союз мог существовать только со «Светлым Отцом». Реальная отечественная история доказала лишь одну истину: «теневой» потенциал «Московского Отца» оказался намного выше, чем у Новгородской «Темной Матери». Хотя на уровне деклараций, он выражался в сакральной, родовой мифологии «Царя-Батюшки», неминуемо оборачивающейся «инфляционным тиражированием иерархий «образов Отцов», представленных разветвленной, предустановленной номенклатурой властных, чиновничьих Должностей» [4, С.82].

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта №16-13-53001 («Материнский» Новгород и «отцовская» Москва: драма софийного и имперского начал в русской ментальности»).

Список литературы

1. Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн.2. Т. VI. М.: Олма-Пресс, 2004.
2. Соловьёв С.М. Об отношениях Новгорода к великим князьям. М., 1846.
3. Иловайский Д.И. Собиратели Руси. М., 1996. С.389–390.
4. Маленко С.А., Некита А.Г. Архетипические истоки и институциональные стратегии трансформации социальных иерархий. Великий Новгород, 2009. 137 с.
5. Пушкарева Н. Л. Женщины в Древней Руси. М.: Мысль, 1989. 286 с.
6. Пушкин А. Собрание сочинений в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1959–1962. Т. 3. С.338–344.
7. Юнг К.Г. Психология и алхимия /пер. с англ., лат. М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 1997. 592 с.

Медицинские науки

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И ИНТЕРАКТИВНЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ В ПРЕПОДАВАНИИ КЛИНИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В МЕДИЦИНСКОМ ВУЗЕ (учебное пособие)

Агранович Н.В., Ходжаян А.Б., Агранович О.В., Кнышова С.А., Гевандова М.Г.

Ставропольский государственный медицинский университет, г. Ставрополь,
e-mail: poltherapy@mail.ru

Основная задача высшего образования на современном этапе заключается в формировании творческой личности специалиста, спо-

собного к саморазвитию, самообразованию и инновационной деятельности. Современные достижения науки и широкое внедрение научных технологий в производственные процессы всех отраслей, в том числе и в сферу медицинского обслуживания населения, не только кардинально изменили условия трудового процесса, но и высоко подняли планку требований к выпускникам высших учебных заведений.

Современная система высшего медицинского образования призвана готовить молодых специалистов с высоким уровнем теоретической подготовки по своей врачебной специальности, способных быстро и эффективно реагировать на